

Яницкий Олег Николаевич

главный научный сотрудник
Институт социологии ФНИСЦ РАН,
Москва, Российская Федерация
oleg.yanitsky@yandex.ru

Волонтерство в чрезвычайных ситуациях: теоретические и методические проблемы

Аннотация. Статья посвящена относительно новой в российской социологии теме: теории и практике волонтерства в чрезвычайных ситуациях (далее ЧС). На основе анализа научной литературы, конкретных ЧС, а также материалов прошлых исследований на подобную тему, проведенных отечественными и зарубежными коллегами и мною, я пришел к следующим выводам. Первое, волонтерство (добровольчество) – неотъемлемая часть деятельности гражданского общества. Второе, формы волонтерства разнообразны, но сегодня они все более зависят, как от характера переходного периода к информационному обществу, так и от начавшихся климатических колебаний. Третье, волонтерство возможно во всех трех периодах ЧС, её приближения, развития и пост-катастрофной адаптации населения. Четвертое, В. не противостоит действиям сил МЧС, а является его помощником, особенно в критических ситуациях (осажденный город или труднодоступная местность). Пятое, сегодня наука и технологи создают конструкции, совмещающие сложные технические системы и жизнь сотен людей (самолеты, пассажирские паромы), что является потенциальным источником ЧС. Шестое, в наше время природные ЧС создают техногенные, и – наоборот, т.е. ЧС являются гибридными, социобиотехническими по своей сути. Седьмое, это их сращивание становится возможным благодаря метаболическим процессам. Восьмое, все формы волонтерства можно разделить на две большие группы: бывалых людей, т.е. практически не требующих специальной подготовки и специально обученных и экипированных подразделений (типа «Врачей без границ»). Девятое, фактор времени играет весьма существенную роль для всех видов ЧС и групп В. Десятое, участие в волонтерских акциях и движениях имеет существенное этическое значение, особенно в условиях «потребительского общества». Одиннадцатое, эффективно ли волонтерство в борьбе с хакерством и другими формами асоциального поведения остается открытым. Проблема катастрофического сознания в данной статье не рассматривается.

Ключевые слова: биосфера; бывалые люди; волонтеры; гибридные системы; критическая ситуация; пост-катастрофная адаптация; ЧС

Yanitsky Oleg Nikolaevich
Institute of Sociology of FCTAS RAS,
Moscow, Russian Federation
oleg.yanitsky@yandex.ru

Volunteers in the critical situations: the theoretical and methodical issues

Abstract. The article analyzes a relatively new theme in Russian sociology: the theory and practice of the volunteer's (hereafter the V.) participation in a mitigation of critical situations (hereafter CS.). Drawing on the study of scientific literature, particular CS as well as on the results of the CSs in the past, I came to the following conclusions. First, the volunteering (in Russian tradition, the *dobrovol'chestvo*) is an indispensable feature of any civil society. Second, recently the forms of V. are varied, but dependent on the character of the transition period towards the informational society and on the character of climatic fluctuations. Third, V. have three different periods: a coming of the CS, its immediate and post-catastrophic effects. Fourth, the V. never replacing the rescue forces activity but the V. are the assistants of rescue teams especially in some specific cases (besieged city or a region which is difficult to access). Fifth, the modern technical systems (air-liners, ferry-boats) are potentially risky. Sixth, today natural disasters provoke technological ones, and vice versa, that is they are becoming sociobiotechnical ones in their very nature. Seventh, such fusing is a result of various metabolic processes. Eighth, all Vs may be divided into two groups: the experiences people and specially-trained and equipped teams like the 'Doctors without the borders.' Ninth, a time is a very significant factor in all kinds of the CS and Vs. Tenth, a participation in the Vs actions and movements is a very important, especially under conditions of a 'consumer society.' Does the volunteering is efficient in the straggle with hacker's attacks or with other modern form of asocial behavior is an open question. An issue of a catastrophic consciousness isn't analyzed in this article.

Keywords: adaptation; biosphere; critical situation (CS); hybrid systems; post-catastrophic situation; volunteers (Vs)

Введение

Предлагаемый читателю текст – не свод нормативных документов по проблеме, он был сделан ранее и неоднократно менялся (Ларин и др., 2003). Цель этого текста – осмысление и затем формулирование основных теоретико-методических позиций, касающихся данной проблемы. Мир и институциональная структура РФ стремительно развиваются, причем – во все ускоряющемся темпе, поэтому все виды существующих сегодня нормативно-правовых документов не только быстро стареют, но и превращаются в тормоз при ликвидации очередной ЧС и её социальных последствий.

Достаточно отметить, что законы и нормативы, касающиеся взаимоотношений ЧС и действий волонтеров, разведены по разным разделам и статьям Гражданского кодекса и других кодексов РФ. Однако нас, в соответствии с темой Проекта, интересует как раз обратное: принципы и формы наиболее эффективного взаимодействия и возможностей сотрудничества сил МЧС и волонтеров в контексте одновременно ускоряющейся и изменяющейся динамики глобальных и локальных процессов и событий, где бы они ни происходили в пределах РФ.

Мир, а с ним и все формы социальной активности, включая борьбу с ЧС и ликвидацию их последствий, с каждым днем становятся все более связанными, интегрированными и, в конечном счете, гибридными. Естественно, что в одних случаях действия профессиональных спасателей и волонтеров должны быть отдельными,

тогда как в других, напротив, совместными. Кроме того, часть населения, пострадавшего от наводнения, пожара или техногенной катастрофы, также вполне способна принять посильное участие в спасательных операциях, тем более что в РФ растет число «молодых» пенсионеров, уволенных из армии по возрасту или выслуге лет, но обладающих неоценимым опытом действия в самых разных ЧС.

С другой стороны, реальное волонтерство под руководством опытных профессионалов, а не показательные выступления «экстремалов», прекрасный способ излечения общества от тиражируемой СМИ и социальными сетями смертельно опасной показухи. Сегодня реальные каскадеры и просто бывалые люди нужны не на экране телевизора, а в реальной жизни. Замечу, что действительное мужество и даже героизм подростков, спасающих детей и животных из беды, все более вытесняется из СМИ бессмысленным каскадерством «руферов» и «зацеперов».

Замечу, что природные и техногенные последствия социальных конфликтов и военных действий, включая ядерную войну, здесь не рассматриваются.

Новизна проблемы

Изучение ЧС в условиях переходного общества было положено еще 20 лет назад, в коллективной работе сотрудников Института социологии РАН [Яницкий, 1998]. В своей статье я тогда отмечал, что длительное время существовало пренебрежение социологов к двойной, созидательно-разрушительной природе, а «также исключение проблемы его потенциальной и актуальной рискогенности из сфер институциональной и идеологической рефлексии, а также из сферы государственной политики. Что, в конечном счете, привело сегодня к тому, что риски и опасности, долгое время «выбрасываемые» в среду и накапливаемые там, стали фактором, подрывающим усилия по реформированию общества на новой технологической основе и периодическим выбросам «энергии распада» [Яницкий, 1998: 14, 19, 23, 25 и след.]. В той же работе А. Мозговой и мною были изучены некоторые социальные и психологические последствия Чернобыльской катастрофы.

У коллектива Проекта есть свои резоны для составления словаря самих ЧС, факторов их порождающих и форм участия волонтеров в качестве спасателей (там, где это разумно и возможно), а также – их участия в адаптации пострадавших к пост-катастрофной ситуации. Этот незаметный и часто весьма длительный труд абсолютно необходим обществу, в котором число трудоспособного населения неумолимо сокращается. Но эта работа требует предварительной системной проработки вопросов теории и методики проведения полевых исследований в экстремальных условиях ЧС.

А привлечение мигрантов к восстановительным работам вследствие низкой квалификации мигрантов часто заканчивается новыми авариями и пожарами. Вообще, мигранты – очень ненадежный трудовой контингент, они не только периодически и неожиданно уезжают на родину, но часто меняют место работы, нарушая график строительства или ухудшая качество работ. Не забудем также, что они тут же бросят

любую работу, если из дома от старейшин тейпа придет требование срочно вернуться домой, жениться, снова заняться сельским хозяйством и т.д., таков традиционный уклад их жизни.

У волонтеров есть еще одна важная задача: выявлять и сообщать в службу спасения о случаях разведения в лесу костров, нарушения норм пользования потенциально опасными аттракционами в парках, о поведении детей, которых родители оставляют в специально отведенных для них помещениях в торговых центрах и т.д.

Наконец, наш Проект, хотя и касается только природных и техногенных ЧС, но *их последствия всегда бывают, прежде всего, социальными*, будь то переезд на новое место жительства, переход на работу вахтовым методом, эмиграция и т.д. Но и без ЧС сам переходный период к Четвертой промышленной революции может вызвать если не ЧС, то ряд весьма долговременных критических социальных ситуаций [Яницкий, 2019; Bauman, 2001, 2004; Castells, 1996, 2000]. Уже сегодня правительство РФ озаботилось вопросом перевода всего трудоспособного населения страны на 4-х дневную рабочую неделю. Но такая резкая смена сложившегося жизненного уклада десятков миллионов граждан РФ, несомненно, породит психологические и социальные последствия. А все изменения этого уклада при их длительном «наложении» имеют свойство повышать уровень тревожности индивидов и групп и даже порождать формы катастрофического сознания [см. Шляпентох, Шубкин, Ядов, ред. 1999; Страхи и тревоги россиян, 2004]. В принципе в жизни общества все устроено так же, как в природе: «Все связано со всем, все куда-то попадает, и ничего не дается даром» (Б. Коммонер).

Новым для большинства социологов является феномен, который экологи назвали «природой, которая предъявляет счет человеку». Но большинству населения не свойственно оценивать долговременные последствия их сиюминутных действий. Оно, это население, понимает их как «бедствия», неожиданно свалившиеся им на голову. То, что в течение многих веков трактовалось людьми как «божья кара» (засуха, неурожай), постепенно начинает осознаваться как отдаленные последствия действия прошлых поколений. При современном, все ускоряющемся темпе жизни, когда рядовой индивид не успевает приспособиться к быстротекущим переменам настоящего, думать о прошлом кажется бессмысленным. Чтобы выжить, нужно стараться осмыслить, что происходит здесь и сейчас. И это действительно так.

Превращение биосферы в социобиотехносферу

Параллельно идет другой, более мощный и долговременный процесс превращения биосферы в социобиотехносферу. «Социо», потому что источником все инноваций является homo sapiens, а «био» – потому что изменяются законы функционирования самой биосферы. Кроме того, социобиотехносфера имеет собственные закономерности динамики. Поэтому теоретическое осмысление этого

процесса в виде двух отдельных парадигм, «человеческой» и «новой экологической», предложенное американскими социологами У. Каттоном и К. Данлэпом в 1987 г., становится ошибочным. Одновременно ошибочным является трактовка происходящих глобальных перемен как превращение биосферы в антропосферу. Этот процесс начался много веков назад, но его реальные кумулятивные последствия обнаружались всего несколько десятилетий назад, на рубеже XX-XXI веков.

Но вернемся к конкретным ЧС и их участникам. Последние события с авариями самолетов при взлете и посадке выявили как плюсы, так и минусы подготовки персонала, участвующего в работе сложных и потенциально опасных технических систем. Взлет и вынужденная посадка самолета с полными баками, в которых 19 тонн керосина, есть, по моему мнению, как социолога, потенциальная ЧС, которую каждый самолет несет с собой в течение всего полета туда и обратно. Прекрасно, что пилоты самолета, вылетевшего с аэродрома им. Жуковского, благополучно посадили самолет, тогда как пилоты, обученные «кнопчному» управлению, стали виновниками гибели десятков пассажиров, которые доверили им свою жизнь.

Скажете: громкие слова? Ничуть не бывало, потому что совмещение сложных технических систем, какими являются современные самолеты, и сотен человеческих жизней всегда есть риск возникновения ЧС, о чем свидетельствует многолетний опыт отечественной и зарубежной пассажирской авиации.

Что показали мои многолетние исследования в области природных и техногенных рисков? Во-первых, их частота и ареал распространения постепенно увеличиваются. Во-вторых, природные риски порождают техногенные ЧС, и – наоборот. В-третьих, в связи с охватом планеты информационными сетями различие между микро и макро источниками техногенных рисков стирается. В-четвертых, и природные, и техногенные риски приобретают каскадный характер, то есть первые порождают вторые, и – наоборот. Или же территория, охваченная ЧС, постепенно расширяется, порождая новые риски. Можно только удивляться, что те, кто готовил город Сочи к Олимпиаде 2018 г., «забыли» о такой мелочи как ливневая канализация или, по крайней мере, о том, что необходимо было сделать сеть водоотводных желобов. Некоторые эксперты задаются вопросом: а не явилось ли недавнее подтопление Сочи результатом слишком интенсивной реконструкцией города в ходе подготовки к той Олимпиаде? Вообще, этот город, прижатый к горам, на мой взгляд, не самое безопасное место для проведения массовых мероприятий и для частого использования авиарейсов. У меня погибла близкая мне семья при взлете с сочинского аэродрома, а недавно также при взлете погибла Доктор Лиза и часть ансамбля вооруженных сил РФ, летевших в Сирию.

Теперь – самый сложный и наименее изученный вопрос: как строить отношения сил МЧС, волонтеров, местной администрации и волонтеров в случае сложных и динамичных ЧС? Как быстро обеспечить их необходимой техникой и ресурсами? Суда по запозданию реакции служб борьбы с лесными пожарами и жалоб местного

населения в Сибири и Якутии в июле-августе 2019 г., этот вопрос еще не осмыслен, и тем более, не превращен в согласованную систему действий. Мировой опыт лесных пожаров показал, что это – отнюдь не только российская, но и мировая проблема. Прав был У. Бек, утверждая, что мы продолжаем жить в век последствий рисков и катастроф. А наша задача: быть как минимум готовыми к самым разным ЧС.

Первоначальные методические соображения

Что нужно изменить в нашей обычной работе в поле в случае ЧС? *Первое*, всегда помнить, что теория, методология и техника полевых исследований всегда взаимосвязаны. Никакие самые хитрые варианты опросных сетей не помогут, если эта связь не соблюдается на протяжении всего исследования. *Второе*, учитывая нарастающий опыт отставания результатов исследования от быстро уходящей вперед практики, заставляет нас обращать большее внимание на прогнозирование этих и подобных ЧС и разрабатывать методы прогнозирования.

Третье, используемый сегодня метод построения сценариев развития ЧС становится все менее оправданным, так как современный мир развивается нелинейно, а также – изобилует неожиданными поворотами и качественными скачками (бифуркациями). Поэтому для каждой новой угрозы надо строить *несколько возможных сценариев её динамики*. Например, одно дело, когда существующая дамба оказалась способной выдержать напор воды и другое, когда под этим напором дамба разрушилась, и начался каскадный процесс, о котором речь шла выше.

Четвертое, пока непонятно, какими методами изучать гибридные процессы? Конечно, разделение труда, скажем, между метеорологами, медиками, спасателями, волонтерами и теми, кто способен снабжать и тех, и других нужным инструментарием и ресурсами, всегда существует. Но как «управлять» этим сложным и нелинейным процессом в целом? Как минимизировать его отрицательные последствия, когда одни виды защиты нужно предпринимать немедленно, другие – через день-два, третьи требуют предварительного исследования, например, на пригодность частично подтопленных домов к дальнейшему проживанию после просушки?

Пятое, сегодня силы МЧС спасают, прежде всего, людей, реже их скот и домашнюю живность, а одноэтажные деревянные жилые дома, особенно попавшие в зону пожара или затопления, или разрушаются водой или тем же пожаром, или же сносятся, поскольку строить новые дома бизнесу и власти выгоднее, чем восстанавливать старые. О таком качестве, как обжитое пространство или разрушение былых семейно-соседских связей, никто не думает.

Шестое, в социологии и культурологии есть такое понятие как местная культура, которая кроме ценности для местных жителей, имеет большое значение для таких наук, как краеведение и этнография. Плюс утеря местными жителями своих культурных корней – также отрицательный социальный фактор. Как показал американский социолог Р. Парк еще в середине прошлого века, человек, попадающий

между двух или нескольких культур, социально и психологически маргинализируется. Или, по выражению О. Шпенглера, он превращается в «перекати-поле». Получается, что люди-то спасены, но они становятся совсем другими людьми. Частично их спасает открывшаяся сегодня возможность вступать в виртуальные сообщества, но это – совсем иное качество жизни и человеческих контактов, гораздо более поверхностное, одностороннее и временное.

Связи

Понятно, что «все связано со всем» и т.д. Но наш Проект направлен на исследование ЧС и формы участия волонтеров в их ликвидации и последующей адаптации пострадавшего населения и рекультивации среды обитания. То есть первое условие – это изучение названных проблем в контексте глобальных и национальных перемен. Но какова именно эта связь и чем она, в первую очередь, детерминирована?

Комплексность опасностей и рисков современного общества уже неоднократно отмечалась исследователями. Значит ли это, что современное общество непрерывно должно находиться в мобилизационном состоянии или, как говорят военные, в состоянии «постоянной боевой готовности»? На мой взгляд, нет, не значит, иначе это общество потеряет свое главное качество: непрерывно производить новации.

Не надо смешивать понятия концентрации и мобилизации. Первое предполагает, что какая-то часть общества сосредоточивается на решении одной или нескольких научных задач или на создании «прорывных технологий». Да, объективно темпо-ритм современного общества непрерывно ускоряется, но оно сохраняет свою способность жить в таком ускоряющемся ритме. И, в конечном счете, современная образовательная система, институт науки и масс-медиа обучают рядового человека жить и работать в этом ускоряющемся ритме. Естественно, что непрерывное ускорение имеет свои негативные стороны и многое меняет в структурно-функциональной организации общества, но они – не критические, т.е. не разрушительные для него.

Тем не менее, возникают проблемы, непосредственно касающиеся возникновения ЧС и участия волонтеров в их ликвидации. *Первая*, каковы средства защиты от этого ускорения темпо-ритмов глобальной динамики? До сих пор человеческая мысль была направлена на минимизацию человеческих потерь. Как эта, несомненно, благородная задача соотносится с набирающим силу движением, скажем, в поддержку однополых браков, пока непонятно. Или идеологи-технократы полагают, что вся защита человека и человечества будет обеспечиваться исключительно «умными машинами»? Но уже сегодня очевидно, что полагаться на них полностью никак нельзя!

Вторая, есть неустранимое неравенство между мирами живых и искусственных систем. Живые имеют свои темпо-ритмы, во многом сформированные многовековой эволюцией человечества. Если «умные машины» заставляют людей подстраиваться

под их ритмы, то это, в конечном счете, приводит к разрушению самого вида homo sapiens, и никакой искусственный интеллект здесь не поможет.

Третья, «умные машины» можно заменить частично или целиком, разобрать и собрать по-новому, снабдить их новыми алгоритмами и программами и т.д. Но все это делается на материале обобщения прошлого и настоящего опыта. «Умные машины» не обладают интуицией или чувством предвидения неизведанного и неизученного.

Четвертая, «умные машины» не способны охватить и стандартизировать то огромное разнообразие природных и социальных условий, которое не просто существует на планете как некоторая данность, но и постоянно изменяются. Я уже много раз приводил пример Минских соглашений по проблеме кризиса в Донбассе (Украина), которые так и остались на бумаге, поскольку геополитическая ситуация в мире и в данном регионе и, соответственно, расстановка политических сил pro et contra периодически менялась.

Пятая и, вероятно, самая насущная сегодня проблема. Насколько быстро глобальная биосфера превращается социобиотехносферу, и как этот процесс превращения влияет на возникновение ЧС, пока никто не изучал. Возьмем, например, пожары и наводнения в Сибири и Дальнем Востоке 2019 г. Несмотря на масштаб и длительность этих ЧС они рассматриваются обществом и службами спасения как «рядовые», только несколько большего масштаба. А следовало бы задаться вопросом: может быть, мы имеем дело с изменением климата планетарного масштаба, о котором уже много лет твердят ученые и общественники? Если это действительно так, то и готовиться нужно не только к ликвидации «очагов» ЧС, но и к самому факту жизни человечества в новых условиях? Тем более что процесса превращения биосферы в глобальную СБТ-систему и её поведения никто систематически не изучал. Можно ли, например, как-то воздействовать на скорость этой трансформации?

Шестое, но, допустим, что человечество продолжает жить в рамках несколько измененного, но прежнего круговорота вещества и энергии в биосфере. Все равно ученые должны определить, что нынешние пожары в Сибири есть результат расхищения нашего лесного богатства (посредством подкупа, поджогов и т.п.) или они – результат все же участвовавших сбоев в этом, тысячелетиями формировавшемся круговороте? Но тогда почему возникли эти сбои? Позволю себе всего одно философское замечание. Вот мы твердим, что скоро все «перейдут на цифру», что мир станет глобальной «умной машиной» и т.п. Но, ведь, *биосфера и её круговорот вещества и энергии тоже есть «умная машина», только созданная и отлаженная веками самой природой!*

Приоритеты

Это – наиболее «конфликтный» вопрос, потому что у каждого агента, создавшего ЧС или участвующего в ликвидации её последствий есть свои приоритеты и, что не менее важно, свои средства отчетности и поощрения. Недаром среди

некоторых бывших ликвидаторов распространена шутка, что главное – это отрапортовать вовремя!

Все же, учитывая непрерывно растущие скорости распространения рисков, а также их всепроникающий и всеохватывающий характер, *первое место среди глобальных угроз занимает атомная бомбардировка*, тут же переходящая во взаимную гибридную войну. На второе по важности место я бы поставил *вирусную атаку*, вызывающую смертельные пандемии. На третьем месте находятся *природные катастрофы (пожары, наводнения)*, а также те из них, которые порождены человеком. Как, например, разлив нефти в Мексиканском заливе в 2010 г., который назвали «Нефтяным Чернобылем».

Далее, это, несомненно, *быстрое исчезновение различий между микро и макро факторами*, создающими ЧС. Главным из них является распространение ложной или искаженной информации посредством информационных сетей по всему миру, причем её сила именно в её внезапности, ошеломляющем характере, и поэтому никакие последующие опровержения не могут сравниться с этим эффектом внезапности. Дело еще в том, что современный человек уже привык жить в мире «Breaking News», а на медленные и повторяющиеся изменения он реагирует только *post factum*, когда предотвратить ЧС уже нельзя, остается только бороться с её последствиями.

Затем – та же проблема, но в более широком социологическом смысле. Современный, лишенный социальных и культурных корней человек, для которого источником социально значимой информации являются только медиа и социальные сети, фактически является *абсолютным маргиналом*. Поэтому он легко управляем, изменчив в своих оценках и пристрастиях, и вообще его сознание является коллажным. Именно такие люди легко поддаются различным фобиям или впадают в панику.

Обратной стороной той же проблемы является *авторитарный лидер*, подобный президенту США Д. Трампу. Он приверженец крайностей, которые, впрочем, в зависимости от обстоятельств могут быстро менять свой знак плюс на минус, и – наоборот. Проблема здесь не только в самом лидере, а в выстраиваемой им иерархии предпочтений и действий.

Теперь – о сокращении отходов и их рециклировании. Это – сложная технологическая проблема, которая пока решается довольно просто, но не эффективно, например, отходы во все больших количествах просто вывозятся за пределы Москвы и других больших городов, что, естественно, вызывает сопротивление местного населения. Рециклирование отходов – тоже непростая и технологически затратная задача, причем первичную их сортировку все равно приходится делать вручную.

И все же, корень вопроса – не в технологиях утилизации отходов, а в *потребительской идеологии*, которая день за днем захватывает все новые рубежи. Сегодня речь идет уже не только о продуктах питания, одежде и других предметах первой необходимости. Речь идет о потребительском отношении ко всем видам природных ресурсов, как относительно еще необходимых сегодня, так и о тотальном

их грабеже, причем безо всякого понимания того, что в природных экосистемах действительно «все связано со всем, и все куда-то попадает». Иными словами, мы учим массу гражданских и военных тому, как пользоваться изделиями из природных материалов, но почти нигде и никогда – как их беречь и сохранять! И, тем самым, создаем себе проблемы. Например, уже сегодня в Индии, Пакистане, и даже в процветающем Израиле, ощущается недостаток питьевой воды.

Возникает и более общий, принципиальный вопрос: может быть *пора, наконец, произвести смену приоритетов*: учить молодых и переучивать старших не тому, как произвести больше потребительских и других товаров, а тому, как сокращать все виды потребления и восстанавливать нарушенные природные экосистемы?

Сети и скорость перемен

В динамике всякого сложного объекта, каким является глобальная СБТ-система, вопрос о сетях, скорости и темпо-ритмах изменений в её отдельных частях имеет ключевое значение.

Дело в том, что *мы живем не просто в сетевом обществе, а в системе множества сетевых систем, функции и скорость передачи информации в этих сетях должны быть связаны и согласованы между собой*. Например, есть система наблюдения наземного базирования и передачи информации, есть система ГЛОНАС, а есть системы локального наблюдения, как, например, сеть камер фото и видео-фиксации ГБДД, отслеживающих потоки автомобилей в больших городах, воздушных судов в воздухе и т.д. Фактически, все, что движется на земле и над землей сегодня отслеживается совокупностью этих систем.

Но это – лишь одна сторона проблемы. Другая заключается в том, что разные объекты движутся с разной скоростью, и значит, эта разность скоростей перемещения должна постоянно фиксироваться и затем интегрироваться в единую подвижную картину. Затем по ней один или несколько операторов могут затем давать информацию, необходимую для военных или гражданских целей (обороны, коррекции движения морских, воздушных и наземных объектов, предсказания приближающейся природной или технологической ЧС и т.д.).

Если говорить именно о природных или технологических ЧС, то все эти макросистемы слежения должны служить организации сил спасения или противодействия ЧС в условиях конкретной территории с её специфическими природно-географическими параметрами. Причем, этот мониторинг должен иметь множественную задачу: выявлять направление движения возможной угрозы, возможную степень её усиления или ослабления, зависимость ущерба от рельефа местности и времени года и т.д. Как свидетельствует опыт стихийных бедствий в Сибири и Якутии в 2019 г., время мобилизации средств на борьбу с ЧС явно отставало от скорости распространения пожаров в одних случаях, и наводнений в других.

Наконец, одним из наиболее труднопредсказуемых параметров ЧС является как раз темпо-ритмы её распространения. А они, опять же, могут быть далеко не линейными вследствие того, что речь идет о природной катастрофе, причинами возникновения и развития которой могут быть не только аномальные природные явления (например, длительная засуха), но и преднамеренные действия людей, так называемых черных лесорубов.

О волонтерстве как таковом

Волонтерство, оно же в традиции русского языка и культуры добровольчество, есть одна из форм существования гражданского общества в форме индивидуальных и групповых инициатив, а также гражданских организаций и движений [Степанский, 1980, 1982; Хорос, 1998; Яницкий, 2013]. Инициативность и способность к самоорганизации – главные качества этого явления. Этим гражданские волонтеры отличаются от государственных, которых оно нанимает, тренирует и оплачивает для слежения за порядком на массовых мероприятиях.

Сегодня деятельность волонтеров реализуется в самых разных формах, начиная от исследований его истории и развития в России и до участия в помощи людям и природе, попавшим в беду. Однако главными отличительными качествами волонтерства как формы активности гражданского общества являются инициативность, самоорганизация, быстрая мобилизация сил и средств, необходимых для помощи или спасения пострадавших, а также все виды и формы деятельности в защиту природы. Поэтому, по моему мнению, сводить всю деятельность волонтеров к участию в работе НКО или НПО было бы теоретически и практически неправильно.

Волонтерство – не изолированная от других форма гражданской активности. Сегодня в России она существует как в форме его сотрудничества с научными организациями (так называемые общественно-научные исследования), так и в виде особых (мобилизационных) форм социальной активности групп и организаций. Эти специально отобранные, натренированные и экипированные «команды», которые способны оказать экстренную помощь людям и природе в любой точке мира («Лиза Алерт», «Врачи без границ», «Босоногие врачи» и др.). Наконец, в экстренных случаях могут возникать люди и группы, способные оказать необходимую помощь прямо на месте ЧС. В этом нет ничего необычного, поскольку в массовом обществе часто рядом с пострадавшими могут быть люди, готовые к оказанию им первой помощи (врачи, спасатели, военнослужащие и др.). В подобных случаях все зависит от типа ЧС. Во всяком случае, многолетний опыт борьбы с ЧС показывает, что часто профессиональных спасателей оказывается недостаточно, и помощь пострадавшим начинают оказывать сами пострадавшие или их соседи. То есть сам характер ЧС определяет численность и состав волонтерских групп (бригад или отрядов).

Особую форму волонтерства составляют люди, которых я называю *вынужденными спасателями*. Они в отличие от заранее подготовленных и

экипированных спасательных «команд», являются волонтерами по случаю, поскольку они, как правило, находятся внутри очага ЧС, изолированного от внешнего мира, например, в осажденном городе или в труднодоступном районе страны. Это – наиболее сложный случай, поскольку у таких волонтеров часто нет ни доступа к сети связи, ни необходимых средств, необходимых для оказания помощи пострадавшим (медикаменты, бинты, средства дезинфекции и т.п.).

В случае войны и других масштабных ЧС волонтерство может осуществляться как добровольная помощь в государственных и частных лечебных учреждениях, например, в госпиталях, ночлежках, пунктах помощи голодным и бездомным, а также в отдаленных поселках и деревнях, куда доступ скорой помощи и других экстренных служб затруднен.

Обучение навыкам волонтерства, если оно осуществляется их собственными силами или при помощи других гражданских организаций, благотворительных и др., есть еще одна важная черта гражданской активности этого рода. Наконец, волонтерство как форма добровольной и бескорыстной помощи людям и животным, попавшим в беду, имеет огромное этическое значение, особенно в условиях общества, где господствует потребительская мораль. За рубежом подобная деятельность, как правило, финансируется из благотворительных фондов, анонимных или принадлежащих крупным корпорациям. В России такой канал финансирования весьма невелик или подчиняется Общероссийскому народному фронту.

Один вопрос остается пока невыясненным: возможно ли волонтерство для борьбы с хакерством и другими асоциальными действиями, порожденными современным научно-техническим прогрессом? Могу привести лишь один пример. В 1998–2018-х гг. при Президиуме Российской академии наук существовала Комиссия по борьбе с лженаукой и фальсификацией научных исследований во всех её отраслях, одним из создателей и активистов которой был Нобелевский лауреат, акад. РАН В. Л Гинзбург.

Методы исследования ЧС и её последствий

Исходя из сказанного выше, ЧС – это гибридная, нелинейно развивающаяся катастрофа, распространяющаяся с разными скоростями и множественными природными и социальными последствиями, на характер которой влияет среда, в которой ЧС распространяется, включая наземный ландшафт и циркуляцию вещества и энергии в биосфере. То есть изменения, порождаемые ЧС, также могут наступать мгновенно, развиваться постепенно или иметь отложенный характер, но в любом случае они имеют количественно-качественный характер. Масштабные природные ЧС еще раз подтвердили ту непреложную истину, что количество переходит в качество. Предполагается, что энергия, которой потенциально обладает всякая ЧС, постепенно иссякает. Однако это не значит, что изменения в природной и техногенной среде обитания, вызванные ЧС, не способны породить ряд других изменений в жизни

социальных и природных экосистем. Я имею в виду каскадные эффекты, порождаемые большинством ЧС, о которых говорилось выше.

Сказанное означает, что методы массовых опросов для изучения динамики ЧС и её последствий если и применимы, то в весьма ограниченной мере, главным образом для изучения состояния и динамики пост-катастрофного сознания. Тем более что, эти методы неприменимы, так как массовые опросы пострадавших – это другая тема, выходящая за рамки нашего Проекта.

Каков итог? *Для изучения ЧС нужны качественные исследования.* Основным из них является метод изучения случая (case-study), но модифицированный применительно к объекту нашего интереса. Когда социолог работает этим методом, он, как правило, изучает социальные, т.е. однородные в широком смысле, трансформации. Для исследования природных и техногенных вызовов и рисков *нужны междисциплинарные исследования*, позволяющие участнику проекта переводить эти вызовы на язык социальных и геополитических процессов. Такой перевод имеет, по крайней мере, две цели: понимать сложные механизмы развития самой ЧС и способность переводить полученные результаты на язык психологии, социологии и возможных политических процессов в их динамике.

Очевидно, что речь идет о непрерывном мониторинге. Но как собирать данные об этих качественно различных процессах и как потом с ними работать представителям разных дисциплин? Предыдущий «кумулятивный» опыт ЧС здесь явно будет полезен, но только до известной степени. Дело в том, что, как уже отмечалось, природные и техногенные катастрофы тоже эволюционируют, так как развиваются новые технологии и изменяется сама биосфера, превращаясь в глобальную СБТ-систему. Значит, необходимо учитывать её обратное влияние на ЧС и её последствия. Так или иначе, для подобных исследований необходим междисциплинарный коллектив, внутри которого есть взаимопонимание между представителями разных дисциплин.

Конечно, самую ценную информацию могут предоставлять инсайдеры конкретной ЧС. Но и здесь есть ряд вопросов. Во-первых, круг обзора инсайдера всегда ограничен. Во-вторых, допустим, что нам удалось заранее создать сеть инсайдеров, однако какую именно информацию они могут нам предоставить, локальную (сиюминутную) или же «процессуальную», которая для понимания механизмов развития и распространения ЧС наиболее ценна? Есть много других вопросов, которые мы сегодня при нашем уровне знаний даже не можем правильно сформулировать. Например, удалось ли силами мобилизации МЧС совместно с местным населением как-то локализовать последствия данной ЧС или направить их в более безопасное для населения и природы русло?

Итак, вот какой мне представляется последовательность действий для разработки методики изучения ЧС и их последствий. Первое, максимально обобщить российский и зарубежный опыт борьбы с ЧС и их последствиями. Второе, развивать научные связи с институциями РФ, исследующими подобные проблемы, и изучать

российский и зарубежный опыт деятельности сил МЧС. Третье, наладить постоянное сотрудничество с сетью западных организаций, изучающих ЧС, входящих в Исследовательский Комитет МСА и Исследовательскую Сеть ЕСА. Четвертое, исходя из изложенных выше положений, постараться тщательно и системно изучить несколько недавних ЧС на территории РФ, обращая особое внимание на их отдаленные и каскадные эффекты. Пятое, дать характеристику и затем обосновать архетипы российских волонтеров, участвующих в ликвидации последствий ЧС. Шестое, будущая методика должна учитывать тот факт, что всякая ЧС, включая резкое изменение способа общественного производства, неизбежно увеличивает количество мигрантов, а также лишних людей, которых западные социологи называют «отходами» (wasted people).

Выводы

Волонтерство в ЧС и, тем более, в России, сложная теоретическая проблема, находящаяся на пересечении интересов собственно социологии и других общественных наук, а также естественных и технических наук. Волонтерство (добровольчество) – давняя российская традиция, уходящая корнями в историю демократических движений России XIX века. В отличие от исследований катастрофического сознания в РФ и мире, проведенных на рубеже XX-XXI вв., эта проблема носит системный характер, поскольку связана с переменами в способе общественного производства и связанных с ними сферах естественнонаучного и технического знания. Волонтерство как добровольная помощь в ликвидации последствий ЧС и гражданская активность волонтеров в повседневной жизни противостоит самой сути капиталистической морали, основой которой является прибыль конкретного сообщества (фирмы, корпорации) и социальное возвышение индивида.

Сегодня с развитием информационных технологий ЧС становятся все более сложными, т.е. гибридными. Этот сдвиг является результатом более общего процесса превращения биосферы земли в социобиотехносферу (глобальную СБТ-систему). Связующим элементом между качественно различными социальными, природными и техническими системами являются метаболические процессы [Яницкий, 2013]. Информационные технологии дают толчок развитию собственно социального метаболизма, когда социальные связи людей и сообществ не только изменяются, но и развиваются параллельно в двух пространствах, материальном и виртуальном. А это, в свою очередь, соединившись с растущей пространственной мобильностью населения, ведет к культурной маргинализации индивидов, утере их связи со своей Малой родиной. Поэтому я рассматриваю волонтерство как способ восстановления малых сообществ, которые всегда были основой институциональной структуры общества. И то, что внутри гигантских учебных заведений и научных кластеров уже возникло множество малых научных коллективов, я рассматриваю как один из путей

восстановления баланса между государством и ТНК, с одной стороны, и гражданским обществом, с другой.

Примечание. Статья написана при финансовой поддержке Российского научного фонда, грант № 19–78–10052, проект «Волонтерство в чрезвычайных ситуациях как ответ на природные и техногенные вызовы в России».

Библиографический список

Ларин В., Мнацаканян Р., Честин И., Шварц Е. 2003. Охрана природы России: от Горбачева до Путина. М.: КМК. 416 с.

Страхи и тревоги россиян (сборник статей). 2004. СПб: Изд-во РХГИ. 216 с.

Хорос В. Г., отв. ред. 1998. Гражданское общество. Мировой опыт и проблемы России. М.: Эдиториал УРСС. 312 с.

Шляпентох В. Э., Шубкин В. Н., Ядов В. А., ред. 1999. Катастрофическое сознание в современном мире в конце XX века (по материалам международных исследований). М.: Моск. Общественный научный фонд, Ин-тут социологии РАН, Ун-т Штата Мичиган. 347 с.

Яницкий О. Н. Социология и рискология, в кн.: Россия: риски и опасности «переходного общества», 1998. С. 9–35.

Яницкий О. Н. Метаболическая концепция современного города. Социологическая наука и социальная практика. 2013. № 3: 16–32.

Яницкий О. Н. Социальные движения: теория, практика, перспектива. М.: Новфй хронограф, 2013. 360 с.

Яницкий О. Н. Переходный период: цели изучения, теория и практика. М.: РОССПЭН. 2019. 287 с.

Яницкий О. Н., отв. ред. 1998. Россия: риски и опасности «переходного общества». М.: Издательство Института социологии РАН. 237 с.

Bauman Z. 2001. *The Individualized Society*. London: Polity Press. 167 p.

Bauman Z. 2004. *Wasted Lives. Modernity and its Outcasts*. Cambridge, UK: Polity Press. 140 p.

Castells M. 1996. *The Information Age. Economy, Society and Culture*. Oxford: Blackwell Publishers, Ltd. 560 p.

Castells M. 2000. 'Materials for an Exploratory Theory of the Network Society. *British Journal of Sociology*, 51 (1), Jan/March: P. 5–24.